451 мегагерц

Мерси Шелли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Обычно перед Новым годом я пишу эдакую скептическую колонку главреда. И если есть в ней какой оптимизм, то только в заголовке. Да и то лишь в пожелательном наклонении — типа «Надо чаще встречаться» или «Ползи, улитка». Но в этом году все и так пришиблены кризисом. И я решил: опубликую-ка в этот раз добрую сказочку. Ну или святочный рассказ. При сборке романа «2048» у меня осталось несколько «веток», которые не вошли в финальный релиз книжки, потому что тянули на отдельные рассказы. Один из них, «Хайкай», вы уже могли видеть. А тот, что ниже — публикуется впервые. И именно на «Вебпланете», в качестве подарка нашим читателям.

•

«451 Фаренгейт — температура, при которой воспламеняется и горит бумага».

(Рэй Брэдбери)

В больнице было тихо и как-то неожиданно уютно. По мере приближения к ней полковник Сондерс становился все мрачнее, и на последних милях полета так швырял киб в виражи, что едва не врезался в стратоплатформу связи, паривщую над воздушным коридором трассы. Но сразу за воротами клиники на него вдруг сошло умиротворение. Наверное, это было самое спокойное место, где он побывал за последние двадцать лет. Проходя по тропинке через сад, он невольно замедлил шаг.

Резные деревянные беседки, чистые зеркальные пруды с лилиями. Каналы между прудов обложены крупными камнями, островки соединены мостиками с витыми перилами — при взгляде на все это казалось, будто ты снова стал ребенком и вот-вот найдешь в траве какое-нибудь сокровище. И все в жизни сказочным образом наладится…

Но в беседке мрачные мысли вернулись, а в памяти всплыло старинное слово «палата». Белое лицо Мико, ее печальная улыбка и огоньки медицинских датчиков напоминали, что здешнее спокойствие — иного рода. Спокойствие обреченных. Тех, кто знает, что ничего уже не исправишь.

— Как ты, мышка?

— Все отлично. — Снова улыбка, но в темных глазах та же безнадежно распахнутая пустота. Японки умеют улыбаться одними глазами. Когда они действительно улыбаются. Раньше Мико улыбалась так каждый день. Теперь ее улыбки — только губы.

— Ты поговорил насчет концерта?

— Конечно, мышка. Но врачи считают, что… — Он перевел взгляд на ажурный деревянный цветок в решетке беседки. — Ну, ты знаешь, все проходят чистку памяти после исполнения. А при твоей болезни… все эти медицинские штуки, которые к тебе подключены… Они говорят, тебе нельзя.

— Ерунда. Посмотри на меня, Фредди.

Увы, ее не обманешь. Столько лет вместе.

— Они просто не хотят присутствия умирающей на концерте. Я ведь пользовалась их имплантами, которые поджарили мне мозг… Корпорации не нужна такая реклама. Верно?

Он кивнул, продолжая сверлить взглядом деревянный цветок.

— Но я хочу услышать ее, Фред. Это моя лучшая работа. Ни один музискин до сих пор не генерировал такой музыки. Потому что ни один скриптун не создавал до сих пор такого музискина. А я это сделала. И я хочу услышать. Я больше ни о чем тебя уже не попрошу, ты же знаешь. Через неделю…

— Не говори так. Врачи часто ошибаются. А ты… ты ее услышишь, мышка. Обещаю.

— Спасибо, Фредди.

Она закрыла глаза и как будто сразу стала еще меньше. Сиделка тронула Сондерса за плечо. Он вышел, быстро пересек больничный сад, нашел на парковке свой киб. Но взлетать не стал. До концерта оставался еще час. Целый час до того, как он совершит преступление.

Он сидел и размышлял, как же это вышло. Почему музыка, которая свела их вместе, оказалась вдруг так недоступна. И как он сам оказался в этом виноват.

# # # #

Они познакомились, когда Сондерс только начал работать в Артели. Он все еще чувствовал себя паршиво после увольнения из армии — черт бы побрал этих политиков с их «мирными инициативами» и глобальным разоружением! Новая работа на гражданке не внушала оптимизма. Но разозленный Сондерс взялся за нее по-военному круто… и вскоре понял, что это тоже война.

В злой иронии реальных совпадений куда больше правды, чем в любой конспирологической теории — Третья мировая война началась вместе с появлением аббревиатуры WWW. Позже ее стали называть просто Тканью. Всемирное поле битвы за мозги и главное оружие этой битвы. И возможно даже, главный победитель. Ведь за спинами воюющих сторон всегда стояла Артель. Искины и их пастыри, модельеры Ткани.

Первая операция Сондерса по уничтожению международной сети музыкальных пиратов прошла с блеском. Не успел развеяться дым от сгоревших складов с контрафактом, а в Sony Music уже устроили роскошный прием в честь победы. Там он и встретил Мико, она работала с музискинами корпорации. А он стал героем, спасающим ее работу от негодяев-пиратов, которые уродовали прекрасные энки собственными «переработками».

За годы многое изменилось. Корпорации поняли, что с развитием копировальной техники музыку не остановишь старыми методами. Не успеешь оглянуться, как новая энка уже гремит по всем континентам, залитая в тысячи устройств, от музыкальных чайников до музыкальных пистолетов, и накрепко зависает в ушах миллионов людей. И тогда сама суть бизнеса изменилась. Теперь лейблы запросто отдавали музыку в свободное распространение — предварительно сделав ее носителем рекламы.

Но борьба за интеллектуальную собственность не закончилась. Просто линия фронта переместилась ближе к источнику музыки.

За любой мелодией с хорошим потенциалом шла настоящая охота. Музыкальные искусственные интеллекты давно обогнали людей в создании сильных энок, и эта сфера была под контролем Артели. Но оставалось главное слабое звено — те люди, кто работал с музискинами, модернизировал их генетические алгоритмы. Те, кто тестировал новые энки на специальных концертах. Артель пасла всех этих людей, их регулярно проверяли на лояльность, но…

Сондерс был одним из первых, кто предложил использовать чистку памяти. Именно он разыскал для Артели группу яйцеголовых, в прошлом занимавшихся разработкой микроволнового меморт-генератора для одной из военных лабораторий США. После очередной инспекции деятельность лаборатории была признана неудовлетворительной, и ее прикрыли.

А в Артели яйцеголовых снова накормили и дали довести работу до конца. Новую технологию защиты от утечек внедрили без особого шума, как вполне логичное продолжение всех

предыдущих — подписка о неразглашении, сканирование записывающих устройств, блокирование подозрительных сетевых коммуникаций на рабочем месте… ну и здесь же вполне безопасная, моментальная процедура для забывания определенных данных. С мелодиями чистка работала особенно успешно: яйцеголовые говорили, что за музыку отвечает какая-то особая зона мозга в районе затылка, причем это даже не сама память, а нечто вроде ссылки на воспоминание — и сбить эту музыкальную ссылку легче, чем заставить человека забыть таблицу умножения. Сондерс в ответ шутил, что он и без меморт-генератора не может на следующий день напеть энку, которая еще вчера крутилась в голове с утра до вечера. А с мемортом так и вообще все работало прекрасно… до прошлой недели, когда Мико попала в больницу со смертельным облучением мозга.

Шуметь про опасность устройств мобильной связи начали еще полвека назад. Тогда дело быстро замяли сами производители телефонов. Тем более, что с телефонами было и вправду не так страшно. Черепная коробка — неплохой изолятор.

А вот с прикрытием для имплантов-нейрофонов пришлось повозиться. То, что излучатель безвреден внутри головы, вызывало сомнения даже у инженеров средней руки. Но к тому времени Артель была уже в силе. «Отбеливание», так они называли на своем жаргоне эту работу с общественным мнением. И Сондерс был одним из «них». А у Мико стояли чипы связи самого первого, самого убийственного поколения.

Конечно, она ничего не знала. Но если бы даже узнала, вряд ли стала бы переживать из-за имплантов. Музыка и только музыка — вот что заботило ее всю жизнь. А теперь у нее отняли музыку, хотя она еще жива.

# # # #

Он прибыл за четверть часа до начала концерта. Переоделся в белый фрак метрдотеля и спустился в ресторан. Обход постов, проверка периметра — старые термины все еще всплывали в памяти, но казались такими же неуместными, как ржавый танк на стоянке сверхзвуковых скатов. Нет, теперь никаких пафосных ограждений и оцеплений, как в молодости. Теперь глаза и уши есть чуть ли не у каждой вилки на столе.

— Здравствуйте, сэр. — Две официантки на входе коротко поклонились. — Вы будете присутствовать?

— Да, нужно кое-что проверить. — Сондерс показал глазами на ближайшую люстру в фойе ресторана. Едва ли младшие швеи

Артели знают, куда на самом деле спрятан меморт-генератор. Раньше его встраивали прямо в рамочку металл-детектора. Теперь даже рамочки не нужны.

Но и намека на люстру достаточно. Сондерс шагнул в зал.

— Извините, сэр…

Одна из официанток подошла ближе.

— Вы проверяете… нас?

Он поднял бровь.

— Нет, а что такое?

— Я не спросила ваш допуск, ведь вы с женой часто бывали на тестовых концертах. Но проход на концерт с записывающими устройствами запрещен. — Девушка подняла чуть выше круглый поднос, который держала в руке. — Мой сканнер показывает, что у вас есть…

Сондерс нахмурился и вынул из кармана золотой портсигар.

— Вы хоть знаете, что это такое?

Вторая официантка тоже подошла и дернула первую за рукав. Но та была непреклонна.

— Я не уверена, мой сканнер дает сбой. Думаю, это персональный искин класса не ниже «алеф». И вам нельзя с ним…

— Ваше имя?

— С-с… Софи. — Девушка покраснела. — Извините, если…

— Все нормально, Софи. Я буду ходатайствовать, чтобы вас поскорее перевели в старшие швеи. Вы прошли проверку. Заберите эту штуку в камеру хранения.

Сондерс широко улыбнулся и протянул ей портсигар. И продолжая улыбаться, вошел в зал ресторана. «Я же тебе говорила!» — раздалось за спиной.

Проклятая девчонка. Раньше он бы порадовался таким сотрудникам. Но сегодня… сегодня все против него.

# # # #

Мико была права насчет новой энки.

Лишь только раздались первые аккорды, каким-то далеким и незначительным сразу стало все, что было у Сондерса перед глазами. В энке не было слов, но ему казалось, что он слышит песню. В ней пелось о тех, кто уходит, и о тех, кто ждет; о тех, кто летит к облакам, и о тех, кто падает в бездну; о тех, кто делает, а потом раскаивается, и о тех, кто не делает, а потом всю жизнь сожалеет… И о море, которому все равно.

Музыка смолкла. Публика начала медленно расходиться. Всего в зале собралось человек двадцать, но среди них не было

случайных людей. Опытным глазом Сондерс отмечал директоров корпорации. Они сидели в первых рядах, эдакие холеные пингвины в безупречных костюмах. За ними шли спецы по музыкальному искусственному интеллекту — коллеги Мико. У многих на глазах были слезы. Последние скрипты Мико позволили ее музискину создать настоящий шедевр.

Нет, не ее музискину. Здесь все принадлежит корпорации. Включая слезы. И конечно, музыку. На днях состоится еще один концерт. Но на этот раз публика будет другой. Профессиональные оценщики, хитрюги-заказчики из рекламной индустрии. Попав к ним в руки, прекрасная энка превратится в мелодию для дурацких роликов. Ее искромсают, выбрав лишь те части, которые сильнее всего зависают в ушах самой средней публики. Потом еще больше упростят, закольцуют в навязчивые повторы, добавят слоганы. Мико прекрасно знала об этом. Потому и хотела послушать оригинал.

Если бы ему удалось пронести свой портсигар с искином, и записать… Мелодия все еще крутилась в голове Сондерса. Он мог бы ее напеть. Но как донести ее до Мико? Очевидно, музискины используют какие-то коды, чтобы хранить все эти звуки в нужной последовательности. Если бы он мог создать такую систему кодов прямо здесь, из подручных материалов…

Он тряхнул кистью. Из-под края рукава показался браслет-четки, подарок Мико. Издали смотрится как яшма, но если приглядеться, увидишь в каждой бусине спрессованную массу старинных компьютерных деталей. Разноцветные светодиоды, кристаллы процессорного кремния, золотые клеммы, кусочки печатных плат с узорами проводников… Мико любила эту простую бижутерию из бедных районов, где сама выросла.

Сондерс перегнал пару бусин по нитке. Если мысленно связать звуки разного тона с разными детальками в бусинах, а потом повесить на нитку в нужном порядке… Или с разным цветом хотя бы… Как-то ведь они записывают все эти мелодии в программах.

Тупой солдафон! Ты столько лет жил рядом с женщиной, которая считается лучшим настройщиком музискинов на континенте — и ни черта не знаешь о ее работе! Хотя тысячу раз видел, как она открывает музыкальный редактор, как крутятся в воздухе эти голографические штуки, похожие на больничные кардиограммы, только объемные, вроде колючих червей. Как они пульсируют, втягивают и убирают иглы, сливаются друг с другом или опять разлетаются под взмахами рук Мико, послушные мельчайшим движениям ее танцующих пальцев…

— Извините, сэр, срочный вызов для вас. — Девушка-

официантка, отобравшая у него портсигар, стояла рядом. Сондерс быстро опустил руку, и браслет скрылся под рукавом. Нет, сегодня уже ничего не получится.

Он вышел в фойе. Вторая официантка протянула ему портсигар.

— Это мое? — удивился Сондерс. — А… как я тут оказался?

У официанток округлились глаза.

— Ладно-ладно, шучу. Я прекрасно помню, что обещал сделать одну из вас старшей феей.

Девушки прыснули в кулачки.

— Вот только не помню, какую именно. Или может, обеих?

Официантки снова сделали серьезные лица. Наконец одна робко улыбнулась:

— Вы… опять нас проверяете, сэр?

— Ну, я вижу, вас не обманешь! — Сондерс взял у нее свой пищащий искин-портсигар. — Отлично, так держать.

Он вышел на улицу. Проклятые яйцеголовые знали свое дело. Первые версии меморт-генератора отшибали человеку всю краткосрочную память за последний час, а то и больше. Но позже эти умники научились настраивать облучение поточней. Сондерс помнил даже, как возился с браслетом. Но мелодию вспомнить не мог, хоть убей.

# # # #

— Почему вы так уверены, что это дыра второго класса?

— А почему вы думаете, что мета-модельер должен отчитываться перед обычным модельером?

— Прошу прощения, Вэри. Я лишь хотел спросить, э-ээ… известны ли какие-то детали.

Голографический облик суровой девицы в белом кимоно сидел в соседнем кресле киба. Сондерс покосился на свою фантомную спутницу, ожидая, что она все-таки смягчит свой гнев.

Он давно смирился с бабами в руководстве. Этого можно и не заметить, когда распоряжения присылают в виде формальных нейроглифов или каких-то других документов. Но во время живых разговоров старые армейские привычки давали о себе знать. Все эти недомолвки, постоянное языковое трюкачество… Да хуже — просто кокетство какое-то. Ничего не могут прямо сказать!

Собеседница, кажется, заметила его неприязнь. Она даже слегка подалась вперед. Ее ореховые глаза были похожи на глаза

Мико.

— Вы же знаете, полковник, как работают мета-модельеры. Я просто смотрю Ткань… и вижу слабые швы. Это образы, видения. Перевести их на язык слов и цифр не всегда возможно. В данном случае — ну, только одна фактическая зацепка. Этого парня уже задерживали, месяц назад в Бангкоке-Два. Похожая история: полицейский аудиодетектор засек исполнение энки, которая еще не вышла в прокат. Но у парня ничего не нашли. Полиция списала все на сбой детектора.

— А на самом деле?

— Вот вы и разберитесь. Его задержали снова, семь минут назад. Та же история. Музыка зафиксирована и распознана. Источник неясен. Пока что проводят обыск на месте. Вы уже прибыли, кстати. До свиданья.

— Погодите, Вэри. Я хотел спросить… — Сондерс непроизвольно потянулся к ней рукой, словно мог удержать. Ладонь прошла сквозь облик. Он отдернул руку.

— Что спросить?

— У вас есть любимые энки?

Она улыбнулась одними глазами.

— Разве в нашей профессии можно иметь что-то любимое?

— Да, вы правы.

Фантомная девушка с ореховыми глазами исчезла. Киб Сондерса зашел на посадку, фары выхватили из темноты желтую ленту полицейского ограждения. За лентой бегали люди с фонариками.

Полковник вздохнул. Странный язык женского командования — даже это он почти научился терпеть. Но сейчас предстояло нечто похуже. Идиоты в форме. И они обязательно будут мужского пола. Словно для того, чтобы еще раз доказать ему, Сондерсу: бабы в руководстве — не случайные совпадения, а неизбежная месть эволюции.

# # # #

— С чего вы взяли, что их было пятеро?

— А кто вы такой? И как вы сюда… — Полицейские повернулись к Сондерсу, как два игрушечных робота в синхронном танце. Вопрос задал, очевидно, младший. И уже потянулся к поясу за шокером.

Не обращая на него внимания, Сондерс уверенно протянул руку второму, чернокожему толстяку лет пятидесяти. Тот автоматически пожал руку — ну что ты будешь делать, рефлексы.

На таких мелочах и строится настоящее искусство управления. «Бесконтрольный физический контакт с неизвестным. Да ты уже покойник, парень…», подумал Сондерс.

Полицейский словно услышал его мысли. Рука дернулась освободиться. Поздно: ладонные чипы идентификации схлестнулись в сканировании друг друга гораздо быстрей. Сомнений в победителе быть не могло. Полицейский тут же вытянулся по струнке, разве что голову немного склонил набок, продолжая слушать сообщение своего персонального искина о невероятном статусе человека, который легко прошел оцепление и оказался у них за спиной. Да еще в подвале, и дверь вроде была все время перед глазами…

Сондерс подождал, пока толстяк метнет характерный взгляд на своего партнера. Молодой опустил руки и тоже изобразил морду послушной собаки.

— Почему пятеро? — повторил Сондерс.

— Разрешите доложить, господин полковник… Мы полагаем, четверо скрылись. — Толстяк указал на стол. Там стояли пять стаканов и бутылка. Бутылка пуста, в стаканах налито. Где побольше, где поменьше.

Сондерс шагнул в темный угол подвальной каморки. На стуле среди обломков мебели сидел парень лет двадцати, руки-ноги крепко схвачены черной липучкой.

— У него спрашивали, где сообщники?

— Так он молчит, господин полковник! Может, немой?

— Или вы спрашивать не умеете. — Сондерс наклонился к сидящему, посмотрел в глаза… и резко ткнул паренька двумя пальцами в шею под левым ухом. Арестованный закашлялся, повалившись вперед. Изо рта вылетел белый комок.

Сондерс поднял то, что упало. Покрутил в руках. Комок развернулся в прямоугольную полоску с какими-то значками. Полицейские подошли поближе, но разглядеть ничего не успели: полковник тут же скомкал полоску и сунул в карман.

— А-а… — начал было старший из копов.

— Скрипты для взлома музискина, — сказал Сондерс. — Нарушение закона об интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж, преступный сговор с целью терроризма. Я забираю у вас это дело. Подозреваемого — в мой киб, немедленно. Остальных можете не искать, мы все сделаем сами.

Когда он вышел, полицейские переглянулись. Потом уставились на парня, приклеенного к стулу. Парень продолжал кашлять и хрипеть, мотая головой.

— Вот ведь зверь… — пробормотал молодой. — Чуть кадык

не вырвал мальчишке.

— Сопло прикрой! — Толстяк огляделся по сторонам и продолжил шепотом. — А то и тебе вырвут. На той неделе в семнадцатом участке, когда робот-уборщик взбесился и кассира покромсал… Тоже прислали из этой Артели девку. Пару вопросов задала вот так же. Наши там пытались с ней бычиться: мол, не ваша юрисдикция. А наутро у троих память отшибло так, что только прошлый год и могли вспомнить.

# # # #

Всю дорогу они молчали. Лишь когда Сондерс посадил киб на задворках одной из центральных улиц и указал на железную дверь черного хода в популярный бар, арестованный удивился:

— На полицейский участок не похоже.

Сондерс пожал плечами, вышел из машины и снова указал на дверь. Парень вылез. Они спустились по темной лестнице, Сондерс открыл еще одну дверь, за ней оказалась старинная кухня — длинные разделочные столы, полки, раковины и дверцы холодильников. Все металлическое. Когда-то, наверное, здесь сверкал полировкой каждый квадратный сантиметр. Но сейчас кругом расползлись тигровые пятна ржавчины.

— Пищевые синтезаторы убили профессию, — заметил Сондерс, кивая на стойку с поварешками всех калибров. — Зато здесь столько металла, идеальная глушилка. Раньше посетители жаловались даже в соседних залах, что связь тут ни к черту. А мне, наоборот, нравится. Пришел поесть — так надо есть, а не болтать. Хозяин бара — мой старый знакомый.

— А-а, понял. — Парень криво усмехнулся. — Теперь играем в доброго полицейского. Будете вкусно кормить и красиво вербовать. Чтобы всех сообщников заложил. Вам же для отчетности лучше, если поймаете целую банду.

— Да нет у тебя сообщников. — Сондерс подошел к шкафу со столовыми приборами, вытащил нож и освободил задержанного от липучек. — Вернее, есть, но в подвале ты один был. И коды эти…

Он вынул из кармана скомканную ленточку, разгладил ее кончиком ножа на столе.

— Никакие это не скрипты. Я в искинах не мастер, но как выглядят машинные языки, представляю. Не говоря уже о материале для записи. Пластик самого худшего качества, что я видел в жизни. Целлюлоза, что ли… Бумага?

— Что вам от меня надо? — Парень растирал затекшие руки.

— Хочу предложить сделку. Ты научишь меня этой системе записи.

— Вас? Зачем?

— Не поверишь: интересуюсь искусством.

— Не поверю.

— Ладно, тогда так…

И он рассказал про Мико. С самого знакомства. И как был последний раз в больнице, давая ей обещание. И как мучался на концерте, но так и не смог записать энку. Он рассказал даже о том, что сам приложил руку к внедрению системы чистки памяти.

— Красивые у вас легенды, — заметил парень, когда Сондерс замолчал.

— В тюрьму можем поехать хоть сейчас, там точно никаких легенд. Лицо твое уже нашли в базе, даже спрашивать мне нечего. Брэм, так тебя зовут? Официальная работа — кардиодрамер в развлекательном центре. Имеется лицензия на миксы персонального биофидбэка с музыкальными произведениями, официально разрешенными для публичного… ну и так далее. Задержан второй раз по подозрению в нелегальном исполнении. Вся сетка твоих знакомых тоже пробита, так что не один загремишь. Ну а если поможешь, я организую тебе вариант получше. Это не вербовка. Это мое личное. Если раскроется — меня накажут посильнее, чем тебя.

Парень прошелся по кухне, остановился у стеллажа с посудой. Вынул чайную ложку, помахал в воздухе.

— Хорошо, я согласен. Слушайте.

Ложка звякнула по металлическому столу.

— Это «си-бемоль».

Брэм подошел к Сондерсу и показал ноту на бумажной ленте. Впервые за весь день лицо полковника просветлело:

— Значит, про стаканы я угадал.

Два десятка лет словно свалились с плеч. Сондерс метнулся к раковине, открыл кран. Потом к шкафу-сушилке. Вместо стаканов там нашлись чашки. Одна с грохотом разбилась, когда он неуклюже схватил сразу несколько. Наливая воду, он намочил рукава и забрызгал брюки. Наконец, расставил чашки с водой перед своим неожиданным учителем.

И как ребенок, делающий первый шаг по первому снегу — звонко стукнул ножом по одной, по второй, по третьей. Звучало как Баг знает что. Но учитель музыки был рядом.

# # # #

Они пришли без опоздания. Зато Сондерс появился в клинике на полчаса раньше, и все полчаса провел как на иголках. Он не сказал Мико о своей опасной задумке — а вдруг они не явятся, зачем ее расстраивать? Пришлось вымученно припоминать веселые моменты совместного прошлого, делая вид, что только ради этого и пришел.

О втором концерте, где он был сегодня утром, Сондерс тоже ничего не сказал. А сама Мико не спросила — берегла его от грустных оправданий. Он, конечно, обещал, но что он мог сделать? Запретили — значит, запретили. Ну, хоть сам послушал, и то хорошо.

Однако ровно в двенадцать ее муж вдруг оборвал разговор и с невиданным доселе выражением лица уставился в сад. Она сразу поняла, что это связано с обещанием. Трое молодых людей шли среди беседок. Они обогнули пруд, поднялись на ажурный мостик… Мико даже приподнялась на постели, когда увидела, как пальцы одного из незнакомцев танцуют по перилам, отбивая неслышный ритм.

— Фредди, кто это?

Он хитро подмигнул ей и велел сиделке пойти прогуляться. Затем, прикрыв на миг глаза, подключился к системе охраны клиники. Все сканеры молчали: у идущих по мостику не было ничего подозрительного. Никакой электроники вообще. Как и договаривались — но Сондерс все равно не мог к этому привыкнуть.

Молодые люди вошли в беседку, скромно поклонились. Повисла пауза. Сондерс кашлянул в кулак. Брэм поставил сумку на пол и вытащил из кармана пачку разлинованных бумажных полосок. Верхняя была сильно измята и покрыта множеством дырочек. На остальных вместо дырочек виднелись ряды значков, похожих на капли. Музыкант передал верхнюю полоску полковнику.

— Удалось разобрать? — спросил Сондерс. — Там на концерте… я ее в рукаве держал. А ноты помечал иголкой от запонки. Не знаю…

— Все нормально, мы сыгрались. — Брэм раздал ноты приятелям. — Хотя, честно говоря, я не верил, что у вас получится. При мне еще никто так быстро не обучался на слух записывать. У вас способности!

«Других в нашу службу не берут», хотел было сказать Сондерс, но промолчал. Давно ли эти способности, усиленные тренировками в Артели, приносили ему радость? Сегодня — да. А все годы до этого? Нечем хвастать.

Получив ноты, один из парней взял стул сиделки, перевернул

его и начал натягивать между ножек какие-то прозрачные нити… Струны, вспомнил Сондерс.

Тем временем Брэм достал из сумки стаканы и стал наполнять их водой из бутылки, тихонько постукивая по каждому, чтобы настроить нужный тон. С этим процессом полковник был уже знаком. Зато материал для третьего инструмента показался ему чудом конспирации: банальный пакет с овощами, какие ежедневно приносят в больницу. С помощью пластикового ножа пара огурцов, морковина и тыква за несколько минут превратились в хитроумное устройство, издающее гулкие звуки, если в него подуть.

Мико была в восторге еще до того, как они начали играть.

Когда энка смолкла, она лежала совершенно неподвижно, с закрытыми глазами. В уголках глаз блестело.

Сондерс вышел из беседки первым. Над прудом висел полицейский бот: искины засекли несанкционированное исполнение чистой энки до официального релиза. У ворот клиники опустился черный киб, оттуда вылезали люди в форме. Но это было уже неважно.

# # # #

Их высадили посреди огромного зеленого парка, залитого солнцем. Если бы они не видели место прибытия с высоты, то удивились бы еще больше. Но сверху можно было разглядеть, что это остров, окруженный по периметру высокой стеной. А в океане вокруг, насколько хватает глаз, никакой другой суши не видно.

На земле полицейские сняли с музыкантов «липучки», без слов забрались обратно в киб и улетели.

Оставшиеся огляделись. Вокруг ни души, лишь ветер играет в траве. Пара тропинок сходятся в центре поляны и снова убегают в заросли. Вдали, за стволами могучих дубов и сосен, виднеются желтые крыши коттеджей.

— Похоже, твой полковник сдержал слово, — заметил один из приятелей Брэма. — Это не тюрьма, и даже для психушки здесь очень симпатично. Да и мера наказания, которую нам прописали… Три года информационной депривации, лишение персональных искинов — смешно! Знали бы они, что нам эти искины меньше всего нужны.

— Психушки тоже разные бывают, — проворчал второй. — Тут небось камера на каждом дереве. И к тому же…

Он не договорил: из зарослей показался человек в зеленом халате. Сутулый мужчина шел быстрым шагом, слегка

подпрыгивая, словно хотел побежать, но сдерживался. Еще не дойдя до музыкантов, он широко развел руки и улыбнулся.

Брэм улыбнулся тоже — человек в зеленом выглядел очень комично. Его смуглое лицо было настолько круглым и гладким, что густые брови и слива-нос смотрелись как нечто постороннее, прилепленное позже и в большой спешке. Такими же неуместными казались глаза, чуть навыкате.

— Добро пожаловать в наш центр реабилитации! — воскликнул он, продолжая держать руки так, словно хотел обнять всю поляну вместе с окружающими дубами. — Нас зовут доктор Шринивас, сейчас мы покажем вам все наши достопримечательности! Но прежде — ох, извините за навязчивость! — но не терпится спросить: на чем вы играете?

— Здесь можно играть?! — воскликнули все трое хором.

— Конечно! Это раньше фонофилию лечили электрошоком. Но пришло время гуманных методов терапии. Важно понимать, что патологическое стремление к публичному извлечению звуков может иметь разную природу. Далеко не у всех людей это врожденный дефект психики.

Доктор-индиец вытащил из кармана пригоршню колец, надел их на левую руку и сделал несколько пассов в воздухе. Кольца пропели бодрую мелодию.

— Что-то незнакомое… — Брэм покосился на своих компаньонов. Они тоже выглядели озадаченными.

— Вот видите! — Доктор спрятал кольца обратно в карман. — Возможно, ваш случай фонофилии — это лишь неосознанный социальный протест. Желание противопоставить себя корпорациям, захватившим музыкальный рынок. Навредить им, исполняя чужие, всем знакомые произведения без разрешения. Эти деструктивные мотивы мы и постараемся… превратить в конструктивные! Скажите, вы когда-нибудь сами сочиняли музыку? Ведь в исполнении такой музыки нет никакого вреда правообладателям, поскольку правообладатели — вы сами! А значит, никакой полиции, никаких арестов.

— Ну, я пробовал… — Брэм почесал затылок. — Но это же ерунда, кто будет мои глупости слушать?

— Мы будем! — Улыбчивый индиец снова обнял воздух перед собой. — Мы и другие наши пациенты. Но это уже второй ваш вопрос. А первый был: можно ли здесь играть. Можно и нужно! Но желательно не чужое, а свое. Это и будет залогом вашей реабилитации. Пойдемте же, мы покажем ваше новое жилище.

# # # #

Из всех живых встреч с заказчиками Вэри больше всего ненавидела благодарственные. От остальных еще можно отмазаться, ссылаясь на все удобства обмена данными через Ткань или на требования безопасности, которые полагаются ей по статусу мета-модельера. Но эти вот благодарности после завершения дела…

Нео-архаика «настоящих подарков» стала одним из самых тяжелых бзиков у менеджеров высшего покроя. Вэри прекрасно знала, что ритуал культивируют как форму психоразгрузки — люди, проводящие множество сделок в абстрактном мире Ткани, страшно радуются обмену вещицами, которые можно потрогать руками. И чтобы расстаться со счастливым клиентом на дружеской ноте, нужно подыгрывать в этой дурацкой игре. Даже без живого общения офис Вэри в дни бизнес-праздников осенью и весной ломился от ненужных подарков. А на встречи она обычно посылала вместо себя младших швей из числа тех, у кого хорошие лицевые нанозиты, чтобы изобразить ее лицо. Но все равно оставались тонкие выкройки, когда дублершей не отделаешься.

Соображения безопасности при этом никуда не девались: благодарственные встречи приходилось обставлять с не меньшей тщательностью, чем сами операции по выполнению заказа. Вот и новый вице-президент Sony Music, кажется, решил следовать принципу «Прячь лист в листопаде». Из-за этого Вэри уже двадцать минут торчала в грязном кафетерии посреди одного из аэропортов Старого Токио и мужественно боролась со своей толпофобией.

Бороться с местными тыквенными оладьями она перестала сразу — хватило одного, чтобы три других остались нетронутыми. Их явно делали из водорослей, а то и вовсе из грибов. Пришлось довольствоваться чаем. Кажется, он был настоящим.

Толпофобия между тем усиливалась. За столиком справа расположилась группа клерков-японцев. Неотличимые друг от друга, в одинаковых белых сорочках и черных костюмах, они механически ели одинаковую еду из одинаковых коробочек и без умолку говорили — но не друг с другом, а со своими искинами-пиджаками. Да и язык не вполне человеческий: набор каких-то междометий, хмыканий и хрюканий. Такие же черно-белые клерки составляли основную часть толпы в аэропорту, превратив его в мерно гудящий улей.

Впрочем, реального нашествия насекомых Вэри боялась с другой стороны. Столик слева оккупировали трое «ультра-зеленых». Они громко смеялись, махали руками и всячески

подчеркивали свою естественность. Бритую голову одного украшал декоративный лишай, с длинных волос другого летела во все стороны художественная перхоть всех цветов радуги. А третий, сидевший к Вэри ближе всех, был одет в такую странную растительную одежду, что вполне можно было ожидать оттуда каких-нибудь лечебных вшей. Спасибо хоть, что не чихают — Вэри слышала, что самые ярые «ультра-зеленые» практикуют галлюциногенный грипп и любят делиться этой радостью с окружающими.

Но сейчас ее больше всего доставал столик напротив. Там расселись две мамаши с детьми. Один ребенок был еще слишком мал, чтобы шалить. Зато второй… Этот негодник лет четырех бегал вокруг с мямлей — своим первым искином в виде развивающей игрушки. Комок умного пластика мигал разноцветными огнями и пищал мелодии, в которых легко можно было узнать рекламные энки продуктовых брендов. Ребенок всячески мял игрушку, выдавливая пальцами светящиеся места — после чего мямля снова меняла форму и принималась исполнять другую энку, одновременно вспыхивая новым набором брендированных цветов. И этот ужас все носился и носился вокруг!

Вэри вздохнула. Человек, назначивший ей встречу, не спешил появляться. С этими шишками всегда так. Ладно, надо провести время хоть с какой-то пользой.

Она закрыла глаза и активировала Третий Глаз. Легкое покалывание в затылке, где сидит ненавистная заколка-искин… и перед глазами разворачивается Ткань, многослойный цветной ковер всеобщих связей. Ткань знает все. Тысячи искинов-ткачей снимают мерки и заготавливают сырье. Тысячи модельеров чертят выкройки по лекалам человеческих страстей. Тысячи швей работают на местах, воплощая готовые модели в жизнь…

Еще недавно Вэри была одной из них, младшая гейша в заштатном добреле. Тогда она видела только Лицевую сторону Ткани — да и то не всю, а лишь отдельные персональные выкройки-профили клиентов. Зато делать приходилось такое, что лучше бы не видеть вовсе. Пусть и не сама, а всего лишь искин управляет твоим телом, прокручивая нейрограммы… Кама-сутра в ледяном нивариуме, танец живота с саблями или психоразгрузочная драка титановыми самокатами — это еще ладно. И даже «австрийская рулетка», когда в тебя стреляют ради развлечения, не так уж напрягает — если неверный угол ствола заранее гарантирует промах, искин заставляет лишь дернуть плечом для вида, в остальных случаях подставляет под линию пули какой-нибудь краешек тела без костей и жизненно-важных

органов. Но это по крайней мере быстро, шесть пуль в барабане. Самое же страшное — чайная церемония. Особенно третий час, когда ноги болят от усталости и затекает шея, а неутомимый искин продолжает водить твое послушное тело от чайника к чашке и обратно.

Но слава Багу, это в прошлом. Теперь ты мета-модельер, а не швея какая-нибудь. Тебе, Золушка, остается лишь смотреть внимательно на всю Ткань разом, да показывать другим, где надо чуток подправить, подштопать…

Ну, поехали. Пара легких движений пальцами — там, в реальности, они почти незаметны, но здесь послушный графический интерфейс тут же перенес Вэри в ту часть цветного ковра, где виднелся легкий сбой в узоре.

Шить это дело начали три месяца назад. Срок, по меркам Артели, вполне достаточный для штопки и более заметных дыр. Но не в этом случае.

Конечно, Лицевую можно не смотреть: полковник Сондерс вполне грамотно обметал инцидент с полицией. Зато дыра в Подкладке посложней будет. Вэри открыла профиль самого Сондерса. Узелки родственных отношений, веера профессиональных знакомств, прожилки медицинских проверок, бахрома не особо тонкого вкуса в развлечениях… Его выкройка долгие годы была скупа и безупречна, пока там не запульсировала эта красная нитка, ведущая через профиль жены — причудливое кружево со множеством связей в музыкальной индустрии — прямо к утечке из этой самой индустрии.

Просчитать и скорректировать действия полковника не составляло труда, хоть Вэри и разозлилась, когда он спросил ее о любимых энках. Ей показалось, что он сейчас расклеится, начнет говорить про больницу — и откажется от должностного преступления, к которому его подтолкнули. Но нет, здесь все сшито гладко: полковник порадовал жену, энка никуда не утекла. А преступники… ну, пусть Сондерс считает, что действительно помог им. Ему незачем знать Изнанку.

А вот тебе, Золушка, приходится знать. Формально, заказ выполнен — Изнанка тоже заштопана. Но на то тебя и взяли в Артель, чтобы чувствовать слабые места, которых не видят ни искины, ни модельеры. Здесь явно будет новая прореха, еще серьезней. Причем одна из тех, о которых Вэри совсем не хотела рапортовать. Потому что ее видения говорили: это не просто дыры, а совершенно новый орнамент. Другая Ткань. Словно морозный узор на стекле подтаивает в одном месте, и кажется, прекрасный рисунок испорчен — но вдруг замечаешь, что именно

в этом месте с другой стороны окна стучится ветка сосны. Но что тебе делать, шпилька, с этими «картинками», которых никто больше не видит?..

Бум! Вэри вздрогнула и открыла глаза. Так и есть: мерзкий ребенок подкрался к ней и с размаху пришлепнул свою мямлю на стол. От удара недоеденные оладьи вылетели из тарелки. Гибкий искин мямли переливался красным и желтым, пытаясь собраться в очередное продуктовое лого.

Мамаши за столиком напротив сладко улыбались. Видно, решили, что если ты одета в классическое трехслойное кимоно цвета «снег на ирисах», то разделяешь их взгляды на воспитание в духе старояпонской школы. «Ребенок до пяти лет — бог». Этому еще не было пяти, и мамаши полагали, что весь мир должен с умилением относиться к его выходкам.

Вэри улыбнулась в ответ мамашам, а затем резко наклонилась к наглому малышу и громко щелкнула зубами в миллиметре от его носа. Ребенок в ужасе отпрянул, заревел. Мамаши закудахтали вокруг него, с осуждением глядя на Вэри.

— Моя бабушка делала точно так же, — произнес кто-то рядом. — Она считала, нужно всегда быть готовым к опасности.

Вэри обернулась. Пока она занималась экстремальным воспитанием, за ее столик подсел один из черно-белых клерков. Но теперь она узнала лицо. Ну да, лист в листопаде. Он был немного постарше ее, лет тридцать.

— Разве я так плохо выгляжу, что напоминаю вашу бабушку, господин Масару?

— О нет, извините, я не хотел вас обидеть! — Он неуклюже поклонился, не вставая из-за стола. — Лишь хотел заметить, что близкие люди часто не дают детям тех знаний, которые дают… не столь близкие. Мой дед продавал первые электронные синтезаторы. А отец сделал состояние на караоке-машинах и оборудовании для диджеев. Дед часто ругал отца за то, что он убивает живую музыку. Когда я принял семейный бизнес и занялся музискинами, я еще не понимал, что имел в виду дед. А сейчас понимаю. Я не знаю, какие технологии прогнозирования используют у вас в Артели…

— Я не уполномочена говорить об этом, — отрезала Вэри.

— Нет-нет, я не то имел в виду! Я восхищен вашими прогнозами, хотя они и неприятны для нашей компании. Но ваши выводы подтверждаются нашими аналитиками. Они тоже считают, что велик шанс большого краха. Люди вот-вот перестанут слушать музискины… в их продукте стало чего-то не хватать. Машины словно зациклились на переборе уже известных мелодических паттернов, и слушатели неосознанно чувствуют

это. Создание инкубатора живых композиторов-людей под видом психиатрической клиники — гениальное решение! И я хочу поблагодарить вас за эту разработку.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака коробку в шелковой отделке и положил ее на стол. Вэри приоткрыла футляр — внутри лежало нечто вроде распухшей деревянной ложки, вырезанной из узловатого корня.

— Это одна из наших семейных реликвий, доставшихся мне от деда. Кажется, этот предмет использовали для чайных церемоний, однако точного назначения я не знаю. Но я слышал, вы закончили высшую школу гейш, так что вы наверняка…

— Это флейта, — снова перебила его Вэри. — Просто форма необычная. Средневековая знать эпохи Хэйан не поощряла использование этого инструмента, считая его слишком простонародным. Поэтому иногда флейты в шутку маскировали под разную бытовую утварь. Видите, вот эти отверстия?

Деревянный предмет словно бы сам прыгнул к ней в руки, и она поднесла его ко рту, даже не задумываясь, что делает. Мелодичный свист разлился по залу ожидания. Люди повернулись на звук, вместе с ними повернулись камеры наблюдения.

Паузу тишины разорвала сирена, и в зал тут же вбежали с двух сторон представители службы безопасности. Вэри инстинктивно пригнулась. «Ну ты напорола, шпилька…», пронеслось в голове.

Собеседник был шокирован не меньше.

— Так это музыкальный инструмент?! — воскликнул он. Потом увидел бегущих к ним охранников. — Не беспокойтесь, мои люди позаботятся. Но… мне кажется, будет лучше, если я заберу эту вещь обратно. Мне нужно срочно пересмотреть семейную историю. Если не возражаете, к нашей следующей встрече я приготовлю для вас другой подарок…

— Пришлите с курьером. — Без дальнейших церемоний Вэри включила ноблик и исчезла. Она ненавидела живые встречи с заказчиками.